

---

---

# ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

## НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПУШКИНЕ.

### 1.

#### ЭПИЗОД ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗЕРУМ».

«Путешествие в Арзерум во время похода 1829 года» было написано Пушкиным в 1835 году и напечатано в «Современнике» 1836 г., кн. 1. Для «Путешествия» Пушкин использовал большую литературу путешествий по Востоку, историческую и военную. Материалами для «Путешествия» послужили черновые записи, которые Пушкин вел во время путешествия. Напечатано «Путешествие» с особым предисловием. Цель напечатания (и, в большей мере, написания): снять важное обвинение, брошенное книгой французского агента Виктора Фонтанье, вышедшей в Париже в 1834 году. В этой книге автор, хорошо осведомленный, враждебно настроенный против русской восточной политики, говорит о том, что Пушкин написал сатиру на турецкий поход.

Одновременно «Путешествие» было отпором русской критике, которая требовала от поэта, побывавшего на театре военных действий, во что бы то ни стало «оды» или иного поэтического восхваления. (Булгарин в «Северной Пчеле», Надеждин в «Вестнике Европы».)

Критическое отношение к личности героя войны Паскевича, очень тонко выдержанное; частое упоминание опальных имен; самостоятельность, хотя бы и лойяльная, политических взглядов — таков был ответ Пушкина на вызовы Булгарина и Надеждина. Это была не ода и не поэма, — в этом главная черта ответа.

Вместе с тем особые условия написания были сделаны отправными пунктами художественного построения: так создавался стилистический «нейтралитет» путешественника, позднее повлиявший на Льва Толстого в его методах описания войны.

Текст «Современника» полон ошибок и неточностей (искажены географические названия и даже некоторые факты).

Между тем сам Пушкин подготовил «Путешествие» к печати отдельным изданием. В Ленинской библиотеке имеется этот беловой, переписанный рукой Пушкина, окончательный текст. Здесь нет ошибок и искажений, встречающихся в тексте «Современника». Как мало подвергался он изучению видно хотя бы из того, что ни в одном из существующих изданий нет эпизода, сохранившегося в рукописи второй главы (абзац предпоследний).

*Юрий Гынянов.*

Путру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим Чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Замета в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он с охотою согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по Азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах, и вынул из кармана первый попавшийся листок. Офицер важно его рассмотрев, тотчас велел привести Его Благо-родию лошадей по предписанию, и возвратил мне мою бумагу: это было послание к Калмычке,<sup>1</sup> намаранное мною на одной из Кавказских станций.

## 2.

## ЧИНОВНИК И ПОЭТ.

В 1834 году Пушкин напечатал в «Библиотеке для чтения» несколько неожиданный для него рассказ «Кирджали». События, в нем излагаемые, все относятся ко времени пребывания Пушкина в Кишиневе, к 1821 году. Среди бумаг этого времени можно встретить записи, упоминающие события, вошедшие в рассказ. Записи эти повидимому остались неиспользованными, пока через 13 лет Пушкин не вернулся к ним.

Одним из эпизодов пушкинского рассказа является описание того, как разбойник Кирджали был выдан русским правительством турецкому по требованию Ясского паши. «Человек с умом и сердцем, в то время неизвестный молодой чиновник, ныне занимающий важное место, живо описывал мне его отъезд», так говорит Пушкин об источнике своих сведений. Чиновником этим был служивший в канцелярии генерала Инзова Лекс. Рассказ Лекса сразу настолько поразил Пушкина, что он решил дать ему форму. Но в 1821 году дело не пошло далее небольшого черного наброска. Этот набросок попал в так называемое Майковское собрание,<sup>2</sup> и до сих пор оставался неизвестным. Впервые он должен появиться в полном собрании сочинений Пушкина, издаваемых в этом году Государственным издательством. Вот этот отрывок.<sup>3</sup>

*Б. Томашевский.*

<sup>1</sup> Послание к Калмычке: «Прощай, любезная, Калмычка».

<sup>2</sup> Майковское собрание состоит из бумаг Пушкина, присвоенных его первым редактором Анненковым, позднее переданных наследниками Анненкова редактору академического издания сочинений Пушкина Л. Н. Майкову и завещанных его вдовой Академии наук с тем, чтобы они были спубликованы только в академическом издании. Это завещательное распоряжение Майковой явилось причиной того, что мы только теперь узнаем содержание этих бумаг.

<sup>3</sup> Не все стихи этого отрывка доделаны. Места, где недостает слов, означены черточками по числу недостающих слогов. Название. «Чиновник и поэт» Пушкиным зачеркнуто.

## [ЧИНОВНИК И ПОЭТ].

— Куда вы? за город, конечно,  
 Зефиром утренним дышать  
 И с вашей Музой мечтать  
 Уединенно и беспечно.

— Нет, я собираюсь на базар,  
 Люблю базарное волнение,  
 Скуфьи жидов, усы болгар,  
 И спор, и крик и торга жар,  
 Нарядов пестрое стеснение —  
 Люблю толпу, лохмотья, шум —  
 И жадной черни — свободной.

— Так — наблюдаете — ваш ум  
 И здесь вникает в дух народной —  
 Сопроводять Вас рад бы я,  
 Чтоб слышать ваши замечанья,  
 Но службы долг зовет меня,  
 Простите, нам не до гулянья.

— Куда ж?

— В острог. Сегодня мы

Выпроваждаем из тюрьмы  
 По просьбе --- Паше  
 За молдаванскую границу  
 ---- Кирджали.

## 3.

## ПОВЕСТЬ О ПРАПОРЩИКЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА

(Неизвестный замысел Пушкина).

19 октября 1830 года Пушкин сжег в Болдине незадолго перед тем написанную им десятую главу «Евгения Онегина». Строфы романа, посвященные «грозе 12 года», Северному и Южному тайному обществу, героям и жертвам 14 декабря, в аспекте революционного подъема 1830 г. на Западе и усиления цензурно-полицейских репрессий в России, приобрели настолько острый политический смысл, что уничтожение их являлось для Пушкина мерой самой естественной предосторожности. Сохранил он из десятой главы только начальные строки нескольких строф, да и те, на случай обыска и ареста, так тщательно зашифровал, что разобраны они были исследователями лишь в 1910 г., а до массового читателя если и дошли, то, пожалуй, уж в наши дни.

Несмотря на случайность и отрывочность уцелевших от уничтожения строф, общая концепция декабризма, намеченная Пушкиным в сожженной главе «Онегина», восстанавливается совершенно точно, и противопоставление умеренно-либерального «севера» радикальному «югу», поверхностно оппозиционных петербургских салонов и заговоров «между лафитом и клико» мощным революционным организациям Тульчина и Василькова, не вызывает никаких сомнений. Весьма характерно, полагаем мы, и беглое упоминание десятой главы о «полном дерзости и сил» С. И. Муравьеве-Апостоле, вожде восставшего в декабре 1825 г. Черниговского пехотного полка.

«Вопреки распространенному мнению о том, что центр военных действий декабристов был в Петербурге — пишет М. Н. Покровский, резюмируя итоги новейших разысканий в этой области, — на самом деле единственным настоящим вооруженным восстанием, окруженным ореолом трагического величия, где люди шли прямо на гибель, эпизодом, оправдывающим известную характеристику Плеханова, что декабристы были людьми, решивши-

мися пожертвовать собою, чтобы показать дорогу грядущим поколениям, — единственным эпизодом такого рода и является восстание Черниговского полка». <sup>1</sup>

Об интересе Пушкина к Васильковской эпопее 1825-1826 г. мы до сих пор могли судить лишь по случайным строкам «Онегина». Однако, даже некоторые предварительные итоги изучения рукописей поэта, неправильно обозначенных прежними исследователями, как черновые варианты «Повестей Белкина» (1829—1830 г.), позволяют уже сейчас включить в круг декабристских замыслов Пушкина повесть о прапорщике Черниговского полка.

Армейский прапорщик, полунищий безземельный дворянин, воспитанник сиротского дома или кадетского корпуса, живущий «с одного жалования» — фигура типическая как для участников восстания Черниговского полка (в числе сподвижников С. И. Муравьева-Апостола было пять прапорщиков), так и для всего левого крыла южного декабризма. О последнем Пушкин был, конечно, хорошо осведомлен не только по печатным источникам («Донесение Следственной Комиссии» и «Высочайше утвержденный приговор об офицерах Черниговского полка, судимых в Могилеве»): воспоминания о встречах с армейскими заговорщиками в 1820—1824 гг. в Кишиневе, Каменке и Одессе, оживленные беседами с ссыльными декабристами в 1829 г. на Кавказе, позволили ему совершенно безошибочно определить социальную природу «героя», впервые заявившего себя на русской исторической сцене в рядах деятелей Общества Соединенных Славян и участников Васильковских событий.

Поэтому, полагаем мы, Пушкин почти не воспользовался в своей повести одним известным эпизодом восстания, необычайно благодарным в художественном отношении, но для общей картины движения малохарактерным. Мы имеем в виду трагическую историю появления и гибели в рядах восставшего Черниговского полка девятнадцатилетнего Ипполита Муравьева-Апостола. Только что произведенный в прапорщики, он выехал зимою 1825 г. из Петербурга к месту своего назначения, в Тульчин, дорогой, рассчитывая на свидание с братом, свернул в Васильков, куда неожиданно попал в самый разгар восстания, с энтузиазмом стал в ряды революционных черниговцев, при столкновении с правительственными войсками был тяжело ранен и, не желая пережить разгрома мятежников, застрелился.

В русской и зарубежной исторической беллетристике (начиная от писаний Шнитцлера и Ламартина и кончая романами Мережковского и Ал. Слонимского) судьба Ипполита Муравьева являлась обычно центральным пунктом всех повествований о восстании Черниговского полка.

Возможно, что и Пушкин как-то оттапливался от истории Ипполита Муравьева, но судить об этом приходится только на основании одной экспозиционной детали («юный прапорщик едет в 1825 г. из Петербурга в Васильков»), причем даже эта деталь учтена была им не в историческом, а в общебытовом плане.

Прапорщик Пушкина — «бедный прапорщик армейский», а не аристократ Муравьев-Апостол. Повесть, рассчитанная на печать, не могла строиться в тонах патетической апологии бунтаря и, подобно тому, как Пушкин сделал это впоследствии с Евгением в «Медном Всаднике», его герой и в 1829 г. оказался несколько сниженным и социально и интеллектуально.

Судя по началу повести и сохранившемуся на одном из ее листов плану не написанных (или не дошедших до нас?) глав, социально-политическая острота вещи связана была, главным образом, с её концовкой, обозначен-

<sup>1</sup> «Очерки по истории революц. движ. в России XIX—XX вв.», изд. 2, М., 1927, стр. 21. Ср. «Восстание декабристов», под общей ред. и с пред. М. Н. Покровского, том VI, «Восстание Черниговского полка.» К печати подготовил Ю. Г. Оксман, М.-Л., 1929, стр. LVIII и сл. Из вождей восстания Пушкин лично знал (еще по Петербургу) С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина (см. показания последнего, опубликованные П. Е. Щеголевым в кн. «Пушкин», СПб, 1912).

ной Пушкиным только одним словом — «Родина». Эта лаконическая запись, открывая простор самым широким догадкам о развязке задуманной Пушкиным вещи, прежде всего ассоциируется с трагическим переломом судьбы всех солдат и офицеров Черниговского полка — с декабрьским восстанием 1825 года.

Повесть о прапорщике Черниговского полка брошена была Пушкиным в то же время и по тем же самым причинам, по которым ему пришлось уничтожить десятую главу «Онегина». В условиях цензурно-полицейского террора 1830 года даже случайные следы произведения с декабристской тематикой могли навлечь на поэта тяжелые административные репрессии.

Однако, он не сразу отказался от начатой вещи. По крайней мере, о какой-то попытке нейтрализации её фабулы свидетельствуют зачеркнутые в тексте повести прямые ссылки на Черниговский полк, но без этих обозначений произведение, очевидно, лишалось своего стержня и переработка его была прекращена. В середине 1831 г. Пушкин рассматривал сохранившиеся листы повести 1829 года уже только как сырой материал и, подготавливая к печати «Повести Белкина», почти без исправлений перенес в написанного предыдущую осенью «Станционного Смотрителя» целую страницу из своей брошенной вещи — описание лубочных иллюстраций к легенде о блудном сыне.<sup>1</sup>

Случайной страницей в «Станционном Смотрителе» не исчерпываются, однако, следы повести о прапорщике Черниговского полка в творчестве Пушкина. Возможно, что именно та ситуация, которая намечена была в вещи, уничтоженной в 1830 г., возродилась через три года в строфах его последней большой поэмы. В повести о прапорщике Черниговского полка впервые в круг пушкинских образов вошел герой, социальная природа которого показана была и в «Медном Всаднике, а бунт прапорщика, вызов, брошенный им самодержавию в 1825 г., как будто бы предвосхищал и точно исторически обосновывал символическую угрозу Евгения — Петру.

Литературная судьба неоконченной пушкинской повести 1829 года такова: в бумагах поэта оставалась она до самой его кончины; опекуны не рискнули ее печатать, и только в 1855 г. П. В. Анненков, устранив из текста все «сомнительные» в цензурном отношении места (даже упоминание о 1825 годе), включил эти наброски, с большими сокращениями и без всяких пояснений, в «Материалы для биографии Пушкина». Все последующие издатели Пушкина пользовались сокращенным текстом «Материалов» Анненкова, безоговорочно приняв и замечание, сделанное в 1880 г. П. А. Ефремовым, что «большая часть» неоконченной повести вошла в «Станционного Смотрителя». В 1903 г. И. А. Шляпкин в книге «Из неизданных бумаг Пушкина» дал точное палеографическое описание и транскрипцию (очень неисправную) случайно попавшего к нему автографа «неоконченной повести». Характерно, что гипноз традиции оказался сильнее самого анализа

<sup>1</sup> Эта страница, как установлено нами, отсутствовала в той редакции «Станционного Смотрителя», которая закончена была Пушкиным в Болдине 14 сентября 1830 г. Таким образом рушится, конечно, и остроумное предположение М. О. Гершензона об определяющей роли в самой фабуле «Станционного Смотрителя» картина к легенде о блудном сыне («Мудрость Пушкина», М., 1919, стр. 123—127). Следует отметить, что в первой редакции «Станционного Смотрителя» ускользнуло от внимания исследователей еще несколько исчерканных сентенций, предназначавшихся, вероятно, для эпиграфа к повести. Вот эти неизвестные до сих пор строки:

«В трех верстах от станции стало накрапывать и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. Приехав на станцию, первая забота моя была поскорее переодеться, вторая — поскорее поехать. «Нет лошадей», сказал мне смотритель и подал мне книгу в оправдание слов своих. «Как нет лошадей!» закричал [я] с гневом, отчасти притворным.

*Из записок мол[одого] чел[овека].*

рукописи — и добросовестно отметив и «1825 год», и «Ч. полк», и «местечко В., Киевской губернии», И. А. Шляпкин не разобрался в этих обозначениях, повторив неверную ссылку Ефремова на варианты к «Станционному Смотрителю». С тех пор «повесть о прапорщике» или вовсе не упоминалась в «Сочинениях Пушкина» (напр., издание под ред. С. А. Венгерова) или глухо отмечалась в вариантах к «Повести Белкина» («Соч. Пушкина» под ред. П. О. Морозова, т. V, стр. 615).

Печатаем окончательный текст произведения, не оговаривая дополнений и поправок, впервые сделанных нами по рукописи. В прямых скобках, отмечаются только те из зачеркнутых впоследствии самим Пушкиным слов, которые необходимы для уяснения замысла вещи. Орфография и пунктуация — современные, в круглых скобках — наши дополнения к тексту.

Ю. Г. Оксман.

4 мая 1825 г. произведен я в офицеры. 6(го) получил повеление отправиться в [Ч(ерниговский)] полк, [в Киевскую губернию], в местечко В(асильков), 9(го) выехал из Петербурга.

Давно ли я был еще кадетом? Давно ли будили меня в 6 часов утра, давно ли я твердил немецкий урок при вечном шуме корпуса? Теперь я прапорщик, имею в сумке 475 р., делаю, что хочу, и скачу на перекладных в местечко В., где буду спать до 8 часов и где уж никогда не молвлю ни единого немецкого слова.

В ушах моих все еще отзываются шум и крики играющих кадетов и однообразное жужжание прилежных учеников, повторяющих вокабулы: *le bluet je bluet* — василек, *amarante* — амарант, *amarante, amarante*... Теперь стук тележки да звон колокольчика — одни нарушают окрестное безмолвие. Я все еще не могу привыкнуть к этой тишине.

При мысли о моей свободе, об удовольствиях пути и приключениях, меня ожидающих, чувство несказанной сладости, доходящее до восторга, наполнило мою душу. Успокаиваясь мало-по-малу, наблюдал я движение передних колес и делал математические исчисления. Нечувствительным образом сие занятие меня утомило, и путешествие уже казалось мне не [столь] приятным, как с начала..

Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города \*\* до Петербурга едущий 6(го) класса чиновник с будущим взял двенадцать лошадей, генеральша Б. — восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик.

На станции стояла одна курьерская тройка и смотритель не мог ее мне дать — если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что тогда будет, — беда, он может лишиться места, пойти по миру. Я попытался подкупить его совесть, но он остался непоколебим и решительно отвергнул мой двугривенник. Нечего делать! Я покорился необходимости.

— Угодно ли чаю или кофею, — спросил меня смотритель.

Я благодарил и занялся рассмотрением картин, украшающих его смиренную обитель. В них изображена История блудного сына. В первой почтенный старец в колпаке и в шафровке отпускает беспокойного юношу, который принимает поспешно его благословение и мешок с деньгами. В дру-

гой изображено яркими чертами дурное поведение молодого человека; он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша в французском кафтане в треугольной шляпе пасет свиней и разделяет с ними трапезу. В его лице изображены глубокая печаль и раскаяние, он вспоминает о доме отца своего, где последний раб etc. Наконец представлено возвращение его к отцу своему. Добрый старик в том же колпаке и шафроке выбегает к нему навстречу. Блудный сын стоит на коленях — вдали повар убивает упитанного тельца и старший брат с досадой вопрошает о причине таковой радости. Под картинками напечатаны немецкие стихи. Я прочел их с удовольствием и списал чтобы на досуге перевести.

Прочие картины не имеют рам и прибиты на стене гвоздиками. Оне изображают погребение кота, спор красного носа с сильным морозом и тому подобное, — и в нравственном как и художественном отношении не стоят внимания образованного человека.

Я сел под окно. Виду никакого. Тесный ряд однообразных изб, прислоненных одна к другой. Кое-где две-три яблони, две-три рябины, окруженные худым забором, отпряженная телега с моим чемоданом и погребцом.

День жаркой. Ямщики разбрелись. На улице играют в бабки златовласые, замаранные ребятишки. Против меня старуха сидит перед избою подгорюнившись. Изредка поют петухи. Собаки валяются на солнце, или бродят, высунув язык и опустя хвост, да поросята с визгом выбегают из-под ворот и мечутся в сторону безо всякой видимой причины.

Какая скука! Пойду гулять. В поле — развалившийся колодезь. Около — мелкая лужица. В ней резвятся желтенькие утята под надзором глупой утки, как балованные дети при французской мадаме. Я пошел по большой дороге — справа тощий озимь, слева кустарник и болото. Кругом плоское пространство. Навстречу одне полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако. Какая скука! Иду назад, дошел до третьей версты и удостоверюсь, что до следующей станции оставалось еще 22.

Возвр(аюсь), я попытался было завести речь с моим ямщиком, но он как будто избегал порядочного разговора, на вопросы мои отвечал одними: не можем знать, ваше благородие, а бог знает, а ничто...

Я сел опять под окном и спросил у толстой работницы, которая бегала поминутно мимо меня то в задние сени, то в чулан, — нет ли чего-нибудь почитать.

Она принесла мне [несколько книг]. Я обрадовался и кинулся с жадностью их разбирать. Но тотчас и успокоился, увидев затасканную азбуку и арифметику, изданную для народных училищ. Сын смотрителя, буян лет девяти, обучаясь по ним, как говорила она, всем наукам царским, выдрал затверженные листы, за что выдрали его за волосы (естественное возмездие).<sup>1</sup>

[П л а н п о в е с т и]:

Смотритель  
Прогулка

<sup>1</sup> Скобки Пушкина.

Фельдъегерь

Дождик

Коляска

Gentilman

Любовь

Родина

‡

## ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПУШКИНА.

## 1. Неизвестные строки о Надеждине.

Эпиграммы Пушкина на Н. И. Надеждина, критика ретроградного «Вестника Европы» — общеизвестны. Все они («Мальчишка Фебу гимн поднес», «Надеясь на мое презренье», «Картину раз высматривал сапожник») относятся к 1829 году и обусловлены были теми «нелитературными обвинениями» (прежде всего в «безнравственности», которые с необычайной резкостью формулировал Надеждин в печати по поводу «Графа Нулина».

Своему критику Пушкин предполагал ответить и по существу — до нас дошли наброски этой статьи («Граф Нулин наделал мне больших хлопот» и «Мы так привыкли читать ребяческие критики»), не менее острой, чем эпиграммы и позднейшие попутные замечания о Надеждине в «Путешествии в Арзрум», в «Детской книжке» и в «Table Talk».

Всеми этими писаниями не исчерпываются, однако, отклики Пушкина на статьи «Вестника Европы». Так, С. М. Бонди только что опубликовал найденное им в черновых бумагах Пушкина начало еще одной эпиграммы на Надеждина:

В журнал совсем не европейский,  
Над коим чахнет старый журналист,  
С своею прозою лакейской  
Взошёл болван семинарист.

Так в автографе неоконченного «Романа в письмах» (1829 г.) обнаружены нами следующие, неизвестные до сих пор строки, включенные Пушкиным в письмо из деревни Лизы, героини романа, к ее петербургской подруге:

Я было заглянула в журналы и принялась за критики *Вестника*, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны, смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы, санк-петербургские недотроги.

Но и это еще не все. Впечатлениями от статей Надеждина (профессора Рязанской духовной семинарии и доктора этико-филологических наук Московского университета) вдохновлена была в 1829 г. и специальная заметка, до сих пор известная в другой, совершенно обезличенной и сокращенной редакции, представлявшей собою опыт позднейшего приспособления для печати найденного нами <sup>1</sup> текста:

\*

Многие недовольны нашей журнальной критикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не

<sup>1</sup> Рукописи Пушкина в собрании Московского Румянцевского музея, тетрадь № 2382, л. 14. Текст заметки (беловой, почти без помарок) случайно, очевидно, выпал из поля зрения В. Е. Якушкина («Рус. Стар.» 1884, кн. XI, стр. 346-347), а последующие издатели Пушкина, печатая только то, что дано в «Описании» Якушкина, невольно повторяли и все его промахи. Вторая, обезличенная, редакция найденных нами строк сохранилась в тетради 2377 В, л. 32 («Многие негодуют на журнальную критику») и печатается обычно среди «мелких заметок разных годов».



иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости — залог добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком пьяного семинариста.

\*

## 2. Заметка о Булгарине

В числе автографов Пушкина, поступивших недавно в Московский Румянцевский музей, оказался текст любопытной заметки, в свое время найденной П. А. Кулишем в бумагах Гоголя и частично опубликованной еще в 1858 г., в ряду «Записок А. С. Пушкина к Н. В. Гоголю» («Библ. Зап.» 1858, № 3, стр. 76).

Текст, данный Кулишем, перепечатывался первыми издателями «Писем Пушкина», но, поскольку на письмо он вовсе не походил, а его автограф (в собрании С. Д. Полторацкого) сразу затерялся, возникли сомнения в подлинности документа. Заметка не вошла поэтому в 1906 г. в академическую «Переписку Пушкина» и была изъята из всех последующих изданий «Сочинений Пушкина».<sup>1</sup>

Сомнения в принадлежности заметки Пушкину оказываются, однако, лишними всякого основания. Впервые печатая ее полностью, с автографа (заметка писана Пушкиным на одной стороне листа тонкой светло-голубой почтовой бумаги большого формата), мы совершенно точно можем определить ее как законченную рецензию, предназначавшуюся, очевидно, для первой книжки «Современника». В первые месяцы 1836 года Гоголь являлся ближайшим сотрудником Пушкина по журналу, в пору отсутствия поэта из Петербурга заменял его в редакции, собирал материал, вел все сношения с типографией и пр. Вполне естественно, что именно к нему попала и заметка Пушкина о Булгарине, по неизвестным нам причинам (конечно редакционно-тактического, а не цензурного порядка), своевременно не попавшая в печать.

Точное название рецензированной Пушкиным книги Булгарина: «Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни. Сочинение Фаддея Булгарина». СПб. В типографии Александра Смирдина. 1835 г. Цензурное разрешение первой части — 26 января, а второй — 19 сентября 1835 г.

—————

Записки Чухина. Сочин[ение Фаддея Булгарина] etc. Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди,<sup>2</sup> не признающие в нем никакого таланта.

Это, повидимому, очень его удивляет.<sup>3</sup> Он даже выразил свое удивление и знаком<sup>4</sup> препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним.

---

<sup>1</sup> Как «черновой набросок критической заметки о Булгарине» публикация Кулиша зарегистрирована была, правда, в «Трудах и днях Пушкина» (СПб., 1910, стр. 348), но в 1915 г. и Н. О. Лернер, составляя отдел «Новых приобретений пушкинского текста и дополнений» к «Сочинениям Пушкина» под ред. С. А. Венгерова, от перепечатки заметки о Булгарине воздержался.

<sup>2</sup> Первоначально: дерзкие люди.

<sup>3</sup> Первоначально: Он, повидимому, очень тому удивляется.

<sup>4</sup> Первоначально: в знаке.

## 3. «НАПЕРСНИК НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА».

Среди черновых бумаг Пушкина, в нижней части листа, представлявшего собою обложку «Истории села Горюхина», сохранилась любопытная запись, толковать которую можно или как наметку плана своеобразного «физиологического очерка» или, скорее, как памфлетную характеристику какого-то живого лица. Черты этого неизвестного нам пока персонажа даны Пушкиным в той же манере, что и портрет Александра Львовича Давыдова в этюде 1834 года о типах драматических произведений Шекспира.<sup>1</sup>

Вот эта запись, оставшаяся до сих пор неразобранной:

«Н. избирает себе в наперсники Н[евский] Проспект — он доверяет ему все свои домашние беспокойства, все семейственные огорчения. — Об нем жалеют. — Он доволен».

Сообщил Ю. Г. Оксман.

## НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТВЕТ ПУШКИНА НА РАЗБОР 4-ой и 5-ой ГЛАВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА».

В 4[-ой] к[ниге] Аф[сенея] напечатан разбор 4-ой и 5[-ой] главы Онег[ина].

Под ром[антизмом] Авт[ор] понимает оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными — порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, [в] [него] влюб[енной], и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подражать своего приятеля.

Ему странно, что тихий (?) мечтательный (?) Ле[нский] за такую бездельницу хочет вызывать Онегина на дуэль, и называет свою бесстрастную невесту кокет[кой] и ветрены[м] ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не поревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что раз увидев<sup>2</sup> Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо; что конечно очень неприлично.

Наконец, находит он, что две [главы] никуда не годятся — о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с полною похвалою — хотя и находит в 2[-ой] главе Онег[ина] 91 мелочь и еще сотни других, котор[ые] цепляют (?) людей, учивш[ихся] по старым [грамматикам].

Из 291 мелочи многие достойны осуждения, многие не требуют от [Автора] милостивого отеческого заступления — вольно всякому хвалить и порицать все, что относится ко вкусу — но критик ошибся, указывая на неко-

<sup>1</sup> «... был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат» и пр. Печатаемый нами далее текст заметки о «Н.» находится в тетради Московского Румянцевского музея № 2387 А, л. 84, об., датировать его можно 1831—1834 годом, не точнее. Зачеркнутые варианты: весь Н[евский] Проспект; бер[ет], а не избирает; семейные тайны. В квадратных скобках — наши дополнения к недописанным.

<sup>2</sup> В рукописи: увидела.

торые погрешности противу языка и смысла. — И я решился объяснить ему правила Грамматики и Риторики<sup>2</sup> не столько для собственной его пользы как для назидания молодых словесников.

Время. След[ственно] Державин ошибся, сказав гл[агол] вр[емен]. Но Б[атюшков] (который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Д[ержавин]) сказал:

То др[евню Русь] и нравы  
Владимира Времян<sup>3</sup>

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук — В поле etc Частица что вместо грубова как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет [что].

Кстати о кр[итиках]. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах:

Так одевае[т] [бури тень]  
Едва рождающ[ийся] день[.]

Там, где есть сходство Имен[ительного] пад[ежа] с Винительным — может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естеств[енном] его порядке (sine inversione).

Стесняет сожаленье, безумные страданья есть весьма простая метафора.

Два века ссорить не хочу

Кажется есть пра[вило об отрицании не. а то вместо ссорить кого, выдет — много ли времени?]

Грамм[атика] наша еще не пояснена. — Замечу во-первых, что так наз[ываемая] стихотворч[еская] вольность допускает нас со времен Лом[оносова] употребл[ять] indifferemment после отриц[ательной] част[ицы] не родит[ельный] и винит[ельный] падеж.

Во-вторых — в чем сост[оит] правило: что действительный глагол непосредственно управляемый частицею не требует вместо винитель[ного] паде[жа] родительного. Например — я не пишу стихов.

Но если действ[ительный] глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного — Напр[имер:] Я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. —

В следующем предложении — Я не могу позволить ему писать стихи — ужели частица не управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то вероятно со мной согласится.

Мл[адою и] свежий поцелуй вместо поцелуя молодых и свежих уст очень простая метафора.

Мальч[ишек] рад[остный] нар[од]  
[Коньками звучно режет лед]

<sup>2</sup> Первоначально было: правила по которым я пишу.

<sup>3</sup> «Мои пенаты» (1811 г.).

В извл[ечении для смысла: ребятишки катаются по льду].

Точно так — сие справедливое изъяс[ение] делает честь догадливости Авт[ора].

[На красных лапках гусь тяжелый,  
Задумав [плыть по лону вод],  
Ступает бережно на лед].

Лоно не означает г л у б и н ы. Лоно означает грудь.

... теплою  
Камин чуть д ы ш е т —

опять простая метафора.

Кибитка удалая.

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ

(Выражение сказочное. Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, — чтоб видеть свойства русск[ого] языка.

Как приятно будет читать:

[Роп вм. ропот,  
Топ вм. топот,  
Грох вм. грохот,  
Сляк вм. слякоть].

На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляют простолюдины во многих на[ших] губерни[ях] — NB. Мне случилось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторич[еских] фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Каль[дерона], Шексп[ира] или нашего Державина.

Что скажут они о поэме сего последнего,

который взвесить смел  
Дух Росса, мощь Екатерины  
И, опершись на них, хотел  
[Вознест твой трон на те стремнины,  
На коих древний Рим стоял  
И всей вселенной колебал].<sup>1</sup>

Или о войне, кот[орый]

пониж лавров[ою] гла[вой].<sup>2</sup>

<sup>1</sup> «Водопад» (1791 г.).

<sup>2</sup> Пушкин изменил державинский стих: «Потух лавровый твой венек». Через 7 лет он употребил то же выражение в «Полководце» (1835 г.):

... другие, коих лики  
Уже состарелись, и никнут в тишине  
Главою лавровой.

Люди, выдающие [себя] за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней [мере] иметь школьные сведения о Грамматике и Риторике — и иметь хоть малое [понятие] о свойствах русского языка.

Статья Пушкина сохранилась в автографе, находящемся в Майковской коллекции Академии наук СССР, и до сих пор в печати не появлялась.

Она написана на четырех листах синей бумаги с клеймом: 1825 г., и представляет собою черновой набросок, трудно поддающийся чтению.

Введенные в текст скобки двух родов: круглые — авторские, прямые — для зачеркнутых и подописанных в рукописи слов, восстановленных, иногда предположительно, редактором.

Статья является ответом на критику 4-ой и 5-ой глав романа «Евгений Онегин», помещенную в № 4 «Атенейя» за 1828 г. (ч. I, № 4, стр. 76—89).

*Н. Ковчин.*

6.

## ПУШКИН И ВЕЧНЫЙ МИР.

(Неизданный отрывок)

В 1821 году в Кишиневе центральным местом сборищ местных либералов был дом генерала Орлова. Воспитанный на конституционных идеях первой половины царствования Александра I, М. Ф. Орлов давно заявил себя убежденным сторонником широкой либеральной деятельности. Именно он, будучи принят в «Арзамас», в 1817 году сделал предложение преобразовать это литературное общество в центр политической пропаганды. Незадолго до этого он подавал петицию Александру об уничтожении крепостного права. Попав на юг, он вступил в тайное общество, из которого вышел только вследствие женитьбы на Екатерине Раевской, по требованию отца невесты. Либеральные идеи он старался применять на деле: отменил палочные наказания в своей дивизии, устроил первую в России ланкастерскую школу, занимался пропагандой вольнолюбивого патриотизма среди солдат, обучавшихся в этой школе. В доме его собирались офицеры разных оттенков либерализма, но все оппозиционно настроенные по отношению к правительству Александра I, все — ожидавшие «события», которое должно было осуществить их политические чаяния. Европейская обстановка давала основания к такому ожиданию. Годы 1820 и 1821 ознаменованы были революционными движениями по всей Европе. Революционные движения в Испании, в Неаполе, в Греции создавали впечатление надвигающегося переворота, равного по силе Французской Революции. Предводители греческого восстания посещали дом Орлова, который таким образом являлся непосредственным свидетелем совершающегося.

Среди посетителей политического салона Орлова был Пушкин. С Орловым его связывала давнишняя дружба, еще в Петербурге, в «Арзамасе». С женой Орлова, дочерью генерала Раевского, как и со всей семьей Раевских, Пушкина сблизили дни, проведенные вместе на Кавказе и в Крыму за год до этого.

Естественно, что Пушкин был жарким участником политических дебатов у Орлова, где допускалось высказывание взглядов самых смелых и крайних. А для Пушкина пребывание в Кишиневе было временем самого крайнего политического polemения. Ссылка его на юг за политические эпиграммы могла только отбросить его из лагеря лояльной светской умеренной оппозиции в лагерь, где идеи революции не встречали отращения и боязни. Крайние формы вольномыслия стали Пушкину близки. Именно в Кишиневе он пишет свою «Гавриинаду».

Но не только острота политической оппозиции характеризует идейный перелом, происшедший в Пушкине. На севере, в Петербурге, он довольствовался политическими формулами, основанными на «естественном праве».

Известная система политических гарантий казались ему верхом политического идеала. Все дело сводилось к обузданию «тиранов», к предоставлению обществу свобод и конституционных форм правления. Поэтому он декламировал против тирании Наполеона, и не прочь был видеть в вернувшихся во Францию «законных» Бурбонах идеал мудрых правителей, одаривших свою страну «хартией». Для него не было вопроса о том, в интересах каких общественных сил действуют те или иные правительства. Привыкший к отвлеченно политической формуле, Пушкин еще не ведал социальной цены событий, не замечал борьбы внутри общества. Ссылка на юг и развившиеся события в Европе (начиная с восстания в Риго в Испании и убийства герцога Беррийского Лувелем в Париже) дали возможность иначе взглянуть на дело. Реакционные формы французского парламентаризма раскрыли глаза Пушкина на то, что все зло не в одном произволе «тиранов». Место абстрактных политических формул, основанных на голом праве, стало занимать другое мировоззрение, которое связывалось с идеями Руссо. Увлечение руссоизмом у Пушкина продолжалось не долго; оно было вытеснено умеренно либеральными взглядами французских «доктринариев» и молодой исторической школы, которая иначе заставляла Пушкина расценивать социальный смысл политических движений, но к этому он пришел через демократический руссоизм и стихи его кишиневского периода отражают часто влияние взглядов женеvского философа. Завершением этого увлечения идеями Руссо следует считать поэму «Цыгане».

В таком настроении Пушкин принимал участие в политических прениях у Орлова. Это было время быстрого роста его сознания, что он сам охарактеризовал в стихах, обращенных к Чаадаеву:

В уединении мой своенравный гений  
 Познал и тихий труд и жажду размышлений.  
 Владею днем моим; с порядком дружен ум;  
 Учусь удерживать вниманье долгих дум;  
 Иду вознаграждать в объятиях свободы  
 Мятажной младостью утраченные годы  
 И в просвещении стать с веком наравне.

Отрывки из писем Екатерины Орловой к брату дают нам некоторые сведения о тех прениях, в которых участвовал Пушкин. В письме от 23 ноября она пишет: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мумом о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворяют вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предпримчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками» (М. О. Гершензон. «История Молодой России», 1908, стр. 27-28, первоначально в журнале «Былое» 1906, X, «Семья декабристов», стр. 308).

До сих пор показание Орловой не имело подтверждения. Теперь мы имеем возможность убедиться, что письмо ее почти буквально передает содержание политического разговора.

В так называемом Майковском собрании автографов Пушкина, которое по разным причинам оставалось под спудом до наших дней, сохранился листок с французской записью Пушкина. О нем известно немного. В описании Майковского собрания («Пушкин и его современники», вым. IV, стр. 27) о нем упомянуто глухо. Вместе с двумя другими листками он охарактеризован: «Заметки и выписки о государственном строе, отрывки (1820-ые годы). В четверку, 3 л. Синяя, голубая и сероватая бумага. Среди текста красные цифры: 58, 57, 59. На двух листках текст с одной стороны. Писано по французски».

Интересующий нас текст находится на том листке, который писан с двух

сторон. Отрывок из него в переводе на русский язык без комментария был напечатан в журнале «Жизнь Искусства» 1924, №24, стр. 3. Приведем его полностью.

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont concu l'esclavage, la royauté etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libre.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas unique — tendant nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine — la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général victorieux — on a bien autre chose à faire — et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr. de prot. dit en propres termes: . . . . ( . . . ) Il est évident que ces terribles moyens dont il parlait c'étaient les révolutions — or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces r. s. tr. mau,<sup>1</sup> le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids — mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer — du reste elle n'a jamais persuadé personne [il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire]<sup>2</sup>

#### Перевод:

1. Невозможно, чтобы люди со временем не пришли к пониманию смешной жестокости войны, как они пришли к пониманию рабства, королевской власти и т. п. Они убедятся, что мы созданы для того, чтобы есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции — которые представляют шаг вперед в развитии человеческой мысли и этот шаг не будет единственным — необходимо стремиться к уменьшению войск в государстве, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой идее конституционализма, то весьма вероятно, что не пройдет ста лет, как более не будет постоянной армии.

3. Что же касается великих страстей и великих военных талантов, на то еще останется гильотина: общество не слишком жаждет восхищаться великолепными стратегическими планами победоносного генерала; у него много другого дела, и только для того оно поставило себя под защиту законов.

Руссо, который рассуждал уже не так плохо для верующего протестанта,<sup>3</sup> говорит в следующих подлинных выражениях: . . . . ( . . . ) Ясно, что эти ужасные средства, о которых говорит Руссо — революции. Но вот они настали. Я понимаю, что все эти доводы очень слабы и свидетельство такого мальчишки как Руссо, не выигравшего ни одной маленькой победы, не может иметь веса.

<sup>1</sup> Сокращенные слова вписаны. Может быть их следует читать так: toutes ces raisons sont très mauvaises.

<sup>2</sup> Слова, заключенные в прямые скобки, в рукописи зачеркнуты.

<sup>3</sup> В подлинном тексте не совсем ясно сокращение, которое я условно расшифровываю: croyant de protestantisme.

Но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем прений еще никогда никого не убедили [только глупцы думают иначе].

Как мы видим, это запись тех самых прений, о которых писала Орлова Александру Раевскому.

Орлова указала и источник взглядов Пушкина. Это аббат Сен-Пьер (1658—1743), известный своими политическими проектами и непочтительным отзывом о Людовике XIV, вследствие которого его исключили из Академии. Одним из проектов Сен-Пьера был «Проект вечного мира», напечатанный им в трех томах в 1716 г. и затем переизданный в сокращенном виде в 1728. Аббат Сен-Пьер был искренно заинтересован в реализации своего проекта, а потому он старался привлечь на свою сторону европейские правительства, или точнее — правящие династии. Он изложил свой проект так, чтобы представить его выгодным для королей, из чего вытекал проектируемому союзу европейских правительств характер охранительного союза монархов против возможных гражданских переворотов. Это был не более как наивный дипломатический ход, не имевший положительных последствий. Проект аббата Сен-Пьера был признан утопическим. Он разделил судьбу прочих его проектов («Полисинодия» или проект организации правительства на основе множества советов, и несколько политических, экономических и пр. проектов, из которых некоторые оказали свое влияние на проекты Сен-Симона). Недостатком проектов Сен-Пьера являлось их необузданное многословие. Поэтом в среде пропагандистов его идей появилась мысль издать его произведения в сокращенном виде. Редактором был назначен Ж. Ж. Руссо. Он принялся за дело, но вместо сокращения дал краткое и очень вольное изложение проекта вечного мира (1760 г.), которое он сопровождал своими возражениями (*jugement sur le projet de la paix perpetuelle*).

В этих возражениях Руссо, вполне разделяя в принципе идею установления вечного мира, выражает свои сомнения в возможности его осуществления, так как, вопреки мнению Сен-Пьера, он полагает что существующие правительства заинтересованы в сохранении армии и в возможности вести войну. Обращение к придворным кругам ему кажется бессмысленным.

Вряд ли Пушкин был знаком с идеями Сен-Пьера непосредственно из произведений аббата. Но цитата из Руссо показывает, что он знал проект вечного мира в упомянутом извлечении, сделанном Руссо. Цитата не выписана Пушкиным, но ее не трудно отыскать. В конце своего возражения Руссо пишет: «Пусть не говорят, что система Сен-Пьера не была осуществлена потому, что она не хороша, напротив надо сказать, что эта система была слишком хороша, чтобы быть осуществленной, ибо зло и насилие, из которых многие извлекают себе пользу, являются сами собой, то же, что полезно народу, осуществляется только силой, так как частные интересы этому почти всегда противоречат. Несомненно проект вечного мира ныне совершенно абсурден; но если бы вернулся такой король как Генрих IV, такой министр как Сюлли, вечный мир снова стал бы благоразумным проектом. Или верней, воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется, так как это возможно лишь путем ужасных и опасных для человечества средств».

Таким образом Пушкин примыкает к мнению Руссо, но вместо того чтобы считать революцию невозможной или опасной для человечества, он ее приветствует, видя в революционных движениях залог осуществимости идеи вечного мира.

Споры у Орлова не были только платоническими. В эти дни ожидали со дня на день объявления войны Турции. Пушкин считал своим долгом вступить в армию в случае объявления этой войны. Здесь соединялось и личное желание вырваться из положения бессильного и убеждение в необходимости содействовать греческой революции. И когда слухи приобрели характер почти достоверных известий, Пушкин пишет свое стихотворение «Война», где читаем:



Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,  
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?

Это написано 29 ноября, через шесть дней после письма Орловой.

*Б. Томашевский.*

## 7.

### НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ.

(Письмо М. В. Юзефовича к П. И. Бартеневу).

Среди мемуаров о Пушкине одно из видных мест занимают воспоминания о поэте М. В. Юзефовича (1802—1899), помощника попечителя Киевского учебного округа в 1843—1858 гг. По окончании курса в «Благородном пансионе» при Московском университете в 1819 г. Юзефович поступил в Чугуевский уланский полк, с которым проделал Турецкую кампанию 1828—1829 гг., находясь при Паскевиче-Эриванском и участвуя почти во всех сражениях и стычках. В это время Юзефович и познакомился с Пушкиным. Об этом он так пишет в своих воспоминаниях, напечатанных в третьей книге «Русского архива» за 1880 г.: «Я встретился с ним в 1829 году, когда ему было уже 30 лет, и при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут на распашку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительно, всего пять-шесть недель, но зато все почти дни этих недель я с ним провел неразлучно. Таким образом, я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться».

Среди писем к издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу имеется письмо М. В. Юзефовича от 16 ноября 1866 г. Оно является ответом на присланный Бартеневым отгиск статьи его «Пушкин в южной России» (напечатана в №№ 8-9 «Русского архива» за 1866 г.) и заключает в себе любопытные подробности из воспоминаний о Пушкине Юзефовича, не имеющиеся в тексте, напечатанном спустя четырнадцать лет. Вот что писал Юзефович Бартеневу:

«Прошу у Вас великодушного прощения в том, что я до сих пор не поблагодарил Вас за присылку мне прекраснейшего очерка Пушкина в период его бурной молодости. Я не знал его в эту пору лично, но хорошо знал его по рассказам друга его Н. Н. Раевского и брата Льва, с которыми я был очень близок и дружен. Лично же я узнал Пушкина уже очищенным. Это был уже другой человек — верующий, нравственный и разумно-консервативный. Пылкость поэта в нем оставалась, но бешенства страстей и легкомыслия уже не было. Серьезная мысль и серьезный взгляд на жизнь в нем уже воспреобладали. По получении Вашего вызова, я тотчас было принялся собирать о нем в моей памяти крупные черты, могущие служить к его характеристике. Но вещь эта оказалась для меня нелегкою. Мне особенно хотелось передать то, что определяет внутреннего человека, являющегося на распашку в близком кругу: в разговорах, суждениях, спорах; но для передачи всего этого не хватает у меня ни памяти, ни мастерства. Я, впрочем, не оставляю намерения собрать и изложить по крайней мере то, что точно сохранилось в моих воспоминаниях. О Пушкине надо писать по-евангельски. Кстати: Вам мог бы много сообщить о нем характеристических черт живущий в Москве Александр Николаевич

Раевский, первообраз его «Демона», имевший на него влияние, доходившее до смешного. Например, Пушкин мне сам рассказывал, что с А. Н. он не мог спорить иначе, как вечером, впотьмах, потушив свечи, и что он подходил, как смеясь выражался, из подлости, к ручке к его девке. Точь в точь то же самое рассказывал мне потом Раевский, смеясь над фасинацией,<sup>1</sup> какую напустил он на Пушкина. Эту, впрочем, фасинацию испытывал и я, хотя не в такой степени и не обнаруживая ее, так что «Демон» мне вполне понятен.

Пушкин, как все сильно впечатлительные люди, легко поддавался влияниям и был необыкновенно чувствителен к насмешке. Он, как известно, вдавался в аристократизм. На этой почве у меня с ним бывали горячие споры, в которых я запальчиво нападаю на него со стороны его же либерализма. Однажды, когда Пушкин в таком споре расхвастался, что четыре его предка подписали выборную грамоту Романовых, Николай Раевский ему в насмешку заметил: «есть чем хвастать!» — Пушкин, как в воду окунулся, и больше ни гу-гу.

Сообщил М. Цявловский.

## 8.

## ПУШКИН И ТАРДИФ.

## Неизданное и неизвестное.

На Западе Пушкин становится известным в тридцатых годах прошлого века. Иностранцы узнают о нем преимущественно от путешественников-русских, навещавших чужие края, и своих соплеменников, совершавших путешествие в Россию или прижившихся здесь и имевших возможность научиться русскому языку. Переводился Пушкин при жизни мало. Во всяком случае, росла популярность его и авторитет на Западе. Когда в 1836 году во Франции была создана комиссия по изучению вопроса о праве литературной собственности и потребовалось для этой цели ознакомление с положением этого вопроса в России, французский посланник Барант, лично знавший и уважавший Пушкина, именно к нему обратился с просьбой сообщить о действующих в России законах и обычаях насчет литературной собственности и высказать свое мнение о мерах к международной охране интересов автора и его наследников. Письмо Баранта написано 11 декабря 1836 года, и Пушкин незамедлительно ответил ему через пять дней — 16 декабря.<sup>2</sup>

Почти одновременно с письмом Баранта, в том же, последнем в жизни Пушкина, декабре, поэт получил еще одно письменное обращение к нему по литературному вопросу — от иностранца, француза, — обращение, которое свидетельствовало о высокой оценке его таланта и несомненно льстило самолюбию поэта. Это письмо, неизвестное до сих пор, сохранилось в бумагах поэта и впервые здесь печатается.<sup>3</sup> Вот его текст в переводе с французского подлинника:

<sup>1</sup> Фасинация — от английского слова «fascination» — очарование.

<sup>2</sup> Письмо Пушкина к Баранту отыскалось совсем недавно и было опубликовано в 1924 году в третьей книге сборника «Недра». Изд. «Новая Москва», стр. 171-177.

<sup>3</sup> На 4-ой странице письма адрес: Monsieur Monsieur Alexandre Pouschkin Conseiller d'Etat etc. St Péterbourg. Адрес написан еще и по-русски, другою рукой — Милостивому Государю статскому советнику Александру Пушкину в Санктпетербурге. Как известно, Пушкин никогда статским советником не был.

Милостивый государь,

Пользуюсь представившемся мне случаем, чтобы вторично просить Вас доставить мне подробный очерк современной русской литературы — главным образом поэзии, в которой Вы являетесь Виктором Гюго. Я намерен издать весьма обстоятельный труд о литературе Вашей страны, и Ваше поэтическое руководство больше, чем что-либо другое, придало бы ценность этой работе, которую я хочу сделать европейской. Ваша слава должна распространиться на Западе, ибо слово *русский* — должен Вам в этом сознаться — еще не прогремело в наших краях. Вы должны стать известны, Ваше имя должно занять место рядом с Байронами и Ламартинами; я беру на себя труд позаботиться об этом в Париже; но чтобы этого добиться, мне нужны точные сведения о старых и современных произведениях, прославивших Вашу родину, — биографию Ваших современных писателей. Конечно, я прошу у Вас многого, но я обращаюсь к Вам от лица Франции, которая требует оригинальных идей, и в первую очередь — славянских, способных омолодить французское воображение.

Будьте добры, пришлите мне эти сведения, все равно на русском или на французском языке, через посольство, или каким-либо другим способом, который Вам покажется подходящим.

С совершенным почтением остаюсь, сударь,  
Вашим покорнейшим и почтительнейшим слугой

*А. Тардиф.*

Париж, 4 [или 11] декабря.  
1836 г.

Улица Людовика Великого, № 17.

Письмо Тардифа не без странностей, бросающихся в глаза. Забавен самый тон письма; парадоксально само требование от Пушкина очерка русской литературы и биографией современных русских писателей; наивно возрожденное стремление уравнивать Пушкина в славе с Байроном, Ламартином и Виктором Гюго; наконец, характерны для французов, полонофильствовавших всегда и в особенности в 30-х годах, влечение к славянским идеям и уверенность в их омолаживающей силе. По этим особенностям письма можно восходить к уяснению личности автора.

Господин Тардиф или полностью Ахилл Тардиф-де-Мелло впервые вводится в окружение Пушкина.<sup>1</sup> Из первой фразы письма видно, что Тардиф не в первый раз обращается к Пушкину, но дошло до нас только одно это письмо, из которого мы и узнали впервые о связях Тардифа с Пушкиным.<sup>2</sup> Возникает вопрос, ответил ли Тардифу Пушкин на письмо, написанное 4 декабря в Париже и застигшее поэта среди злейших тревог и волнений, окутавших последний месяц жизни поэта? С решительностью можно утверждать, что Пушкин не ответил: в это время ему было не до собирания биографий русских писателей и не до составления очерка истории русской литературы. А может быть, Пушкин, как вежливый человек, и ответил Тардифу отказом?

<sup>1</sup> В «Записке к приятелю» Пушкин упоминает другого Тардифа, любимица Кома, поварни полного генерала, или попроче содержателя Европейской гостиницы в Петербурге до 1812 г., позднее разорившегося и спившегося. Пушкин пользовался услугами этого искуснейшего повара в Кишиневе. Быть может, Ахилл приходился родственником этому Тардифу?

<sup>2</sup> В журнале, веденном при разборе бумаг Пушкина после его смерти, среди корреспондентов Пушкина, письма которых читались 15—17 февраля 1837 г., помечен и Тардиф. Подлинное письмо, мной напечатанное, заключено в обложку, на которой рукой Дубельта помечено «Тардиф» и поставлен карандашом номер «64». См. «Дела III отделения об А. С. Пушкине», СПб., 1906, стр. 190.

Но кто же этот Ахилл Тардиф-де-Мелло? Новый для нас корреспондент Пушкина, скрасивший несколько будни поэта? Небольшой писатель, даже совсем маленький писатель, если о нем хранят молчание французские словари, энциклопедические и биографические: даже дат рождения и смерти не разыскать. Но по библиографическим обзорам (Керара, Луандра и Буркело, Лоренца) и по публикациям на обложках книг Тардифа можно установить список его трудов, немалочисленных и разнообразных. Вот некоторые из них: к 1830 г. относится перевод тщедушного «Опыта о гласности судопроизводства в России», написанного статским советником Николаем Демидовым. В тот же год появилась «Энциклопедическая пчела или толковый обзор всех человеческих знаний с приложением аналитической таблицы наук и искусств», — произведение весьма элементарное, педагогического характера. В 1840 г. вышла книга Тардифа, которой не оказалось в библиотеках Москвы и Ленинграда и которой он сам гордился, ибо рекламировал себя «автором» именно этой книги: «О европейских народах, их социальном состоянии при различных правительствах. Дух демократии с 1789 по 1840 гг.» Тардифу принадлежат еще и поэма «Размышление о двадцати правительствах, которые управляли Францией с 1789 по 1848 гг.». Но все эти произведения нас ни в коей мере интересовать не могут. Наше внимание привлечено к тому обстоятельному труду о русской литературе, по поводу которого Тардиф обращался за содействием к Пушкину. Тардиф выполнил намеченный труд с большим, правда, опозданием, но прежде чем перейти к этому труду, надо сообщить скудные сведения о Тардифе, которые удалось собрать.

В предисловии к своему труду Тардиф говорит, что он жил много лет в России, присматривался к ее быту, посещал университеты, с.-петербургский и харьковский, и отдался изучению русских писателей. Из предисловия к другой его книге, о которой еще будет речь, мы узнаем, что он провел в России четырнадцать лет, посвятив их изучению этой обширной империи и занятиям русским языком и литературой при упомянутых университетах, и затем совершил два путешествия в Россию в 1835 и 1846 гг. Значит четырнадцатилетнее пребывание в России падает на период времени до 1835 г. Наконец, из одного источника, который мы еще будем цитировать, мы осведомлены о том, что Тардиф занимался учительством. Не в семье ли Демидовых учительствовал Тардиф? На это предположение наводит сделанный им перевод произведения Н. И. Демидова.

Живые и несколько неожиданные подробности о Тардифе находятся в «Былом и думах» А. И. Герцена, в особой главе о Николае Ивановиче Сазонове. Друг юности Герцена, Сазонов был деятельнейшим участником студенческого кружка, за принадлежность к которому заплатились тюремным заключением и ссылкой Герцен и Огарев; с ними он делил отроческие фантазии о заговоре à la Риенци и каким-то чудом уцелел от полицейских преследований. В начале 40-х годов он эмигрировал из России и обосновался в Париже, где и застал его в 1847 г. Герцен, также покинувший навсегда Россию. Но узы дружбы, связавшие Герцена и Сазонова, постепенно ослабевали, и у Герцена дружеские чувства сменялись неприязненными и враждебными, и эта неприязнь помешала Герцену дать беспристрастную оценку Сазонову. В жизни последнего было не мало отрицательных сторон, но нельзя не согласиться с Д. Б. Рязановым, который охарактеризовал Сазонова, как талантливого неудачника и одного из оригинальнейших представителей русской интеллигенции. Рязанов подверг основательной критике отрицательные отзывы Герцена о личности Сазонова и издал любопытнейшие письма Сазонова к Карлу Марксу. Они столь значительны по своему содержанию, что заставляют с большим сомнением отнестись к сообщениям Герцена о жизни Сазонова.<sup>1</sup> Может быть, ключ к расхождению в словах

<sup>1</sup> Н. И. Сазонов (1813—1862) заслуживает изучения. О нем статья Б. Л. Модзалевского в «Русском биографическом словаре», том «Сабанев — Смыслов». СПб. 1904; статья Д. Б. Рязанова «Карл Маркс и русские люди

Герцена: «внутри его (Сазонова) глубоко уязвленного самолюбия все еще хранилась вера в близкий переворот России и в то, что он призван играть в нем большую роль». Сазонов занимает нас в настоящее время исключительно по связи его с Тардифом. Тардиф был не то в приятелях у Сазонова, не то в обожателях и поклонниках. Герцен оставил насмешливое и злое описание круга Сазонова, но мы должны сделать известную поправку к этому описанию:

«Сазонов, любивший еще в России студентом окружать себя двором разных посредственностей, слушавших и слушавшихся его, был и здесь окружен всякими скудными умом и телом лацарони литературной кнани, поденщиками журнальной барщины, ветошниками фельетонов, в роде Жюльвекура, полуоврежденного Тардифа-де-Мелло, неизвестного, но великого поэта Буэ; в его хоре были и ограниченные поляки из товязидины и тупоумнейшие немцы из атеизма. Как он не скучал с ними, это — его секрет; он даже ко мне ходил почти всегда с одним из с двумя понятными из хора, несмотря на то, что я с ними всегда скучал и не скрывал этого. . . Еще летом 1848 г. завел Сазонов международный клуб. Туда он привел всех своих Тардифов, немцев и миссионистов. С сияющим лицом ходил он в синем фраке по пустой зале. Он открыл международный клуб речью, обращенной к пяти-шести слушателям, в числе которых был я в роли пубанки, остальная кучка была на платформе в качестве бюро. Вслед за Сазоновым предстал растрепанный, с видом заспанного человека, Тардиф-де-Мелло и грянул стихотворение в честь клуба. Сазонов поморщился, но остановить поэта было поздно: Worcel, Sasonoff, Olinski, Del Balzo, Leonard et vous tous.. кричал с каким-то восторженным остервенением Тардиф-де-Мелло, не замечая смеха».

Рязанов справедливо замечает, что рассказ Герцена о событиях 48 года в Париже больше смахивает на злостную карикатуру, чем на правдивый рассказ. По поводу характеристики сазоновского клуба Рязанов замечает: «если верить Герцену, Сазонов «завел» какой-то международный клуб, куда он привлек всяких немцев и миссионистов. За неимением членов, клуб этот скоро, мол, «лопнул». На самом деле, это был известный тогда клуб «Fraternité des peuples» («Братство народов»), который «лопнул» только после июньского поражения французского пролетариата, как одна из первых жертв декрета, направленного против революционных клубов. Принадлежность Тардифа к такому клубу дает не безынтересную черточку его личности.

Любопытно отметить черту, родившую и Сазонова и двух названных Герценом приспешников Сазонова — Жюльвекура и Тардифа. Все трое были «пушкинистами»; они знали и любили Пушкина, а свой пушкинизм подтверждали своими работами, пока не нашедшими оценки в пушкинине. О Тардифе с этой точки зрения нечего и говорить. Поль Жюльвекур переводил Пушкина. Сделанные им в прозе переводы стихотворений собраны им в довольно известном среди любителей сборнике с пресловутым русским заглавием «La Balalaika» (1837), а перевод «Пиковой Дамы» напечатан вместе с переводом повести Н. Ф. Павлова «Ятаган» в книге тоже с русским заголовком «Le Jetegan» (1843). Наконец, и сам Сазонов переводил Пушкина на французский язык и писал о нем на этом языке. Любовь к Пушкину Сазонов вынес из юношеских лет, из московского студенческого кружка, о котором он вспоминает через много лет: «все, начиная от наших костюмов, указывало самую причудливую смесь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карл Занд и трехцветные французские шарфы. На собраниях нашего кружка

сороковых годов» во втором томе «Очерков по истории марксизма», 2-е изд., т. 2-й, стр. 25-67; примечания М. К. Лемке к воспоминаниям Герцена, см. Полное собр. соч. и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 572—589 «Русские тени», т. I «Н. И. Сазонов» и т. XIV, стр. 128—149. Критика утверждений Рязанова, выдвинутая здесь Лемке, представляется мало основательной.

мы декламировали запрещенные стихотворения Рылеева и Пушкина и распевали наполеоновские куплеты Беранже на ряду с англо-французскими песнями Арнда, Уланда и Кернера». <sup>1</sup> О пушкинизме Сазонова мы еще скажем несколько слов.

«Полуоврежденный» Тардиф трудился над историей русской литературы очень длительно. С просьбой о содействии он обращался, между прочим, к Н. И. Гречу и к профессору русской словесности в петербургском университете Н. И. Бутырскому, и к своему соотечественнику А. А. Дегурову (Du Gour). Дегуров в 1825—1836 годах был ректором петербургского университета, и Тардиф пользовался его поддержкой и советами в своих русских изучениях. Дегуров отвечал Тардифу из Одессы, будучи уже в отставке, 27 октября 1842 г.: «я думаю, что для «Истории русской литературы» вы не получите никакой помощи ни от Греча, ни от профессора Бутырского. Для этой работы вы сами должны быть в Петербурге и иметь возможность заручиться содействием всех выдающихся писателей». В 1854 г. вышел наконец в свет труд Тардифа «История умственного развития Российской империи». <sup>2</sup>

Большой том, в 374 страницы, открывается кратким очерком истории цивилизации в России с начала монархии до наших дней, с 863 по 1853 г., на 16 страницах. Тардиф подчеркивает не без изумления спешный рост просвещения в России под сенью «мудрых» монархов. Вслед за вступительным очерком идут отделы по жанрам: поэзия лирическая — оды и гимны; поэзия романтическая, эпическая, драматическая; письма; басни; элегия; легкая поэзия; духовное красноречие; философия; описания; повествования; романы; биография и характеристика. Каждый отдел дает подбор образцов в переводе Тардифа — в стихах и прозе — с кратким предисловием. Заключается книга кратким очерком умственного преуспеяния России за время с Владимира до Николая I (стр. 326—374). В первой главе, на 7 страницах, дан обзор до Петра I; вторая делится на отделы — до восшествия на престол Елизаветы, время Елизаветы, Екатерины и Павла I, время Александра и Николая. Здесь даются коротенькие очерки об отдельных писателях, иногда просто упоминания в одну, две строки. В последнем отделе помянута даже такая мелочь, как Анна Бунина, Николай Ильин, Бужинский и т. п. Но Голя и Грибоедова Тардиф знает смутно; о русской реалистической школе в 1854 г. он не имеет представления. Писательские характеристики Тардифа благонамеренны и благожелательны в высшей мере. В общем книга Тардифа совсем не исследование, а просто толковая хрестоматия. Останемся на том, что интересно для нас, на страницах, посвященных Пушкину.

Пушкину Тардиф отводит первое и центральное место. Пылкий романтик, он рекламирует себя беззаветным поклонником поэта и рассыпает восторженные восклицания и украшающие эпитеты. Тардиф отмечает подражательный характер русской литературы: русские произведения лирические, драматические, повествовательные являются слабыми подражаниями «классиков» древних и «классиков» современных. В подражательном потоке два явления представляются Тардифу исключениями: Богданович с его «Душенькой» и произведения Пушкина, исполненные одушевления и воображения. «Читайте «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу», поэмы столь прекрасные своей правдой и столь свежие своей юностью»; читайте «Цыган», «Графа Нулина», «Полтаву», «Анджело», «Бахчисарайский фонтан»; вы подумаете, что они вышли из-под байроновского пера, а между тем бедный поэт не путешествовал, подобно Чайльд-Гарольду, с тем, чтобы опьянить себя поделуями албанок и гречанок; он присутствовал при туалете

<sup>1</sup> N. Sazonoff. Alexander Herzen «Gazette du Nord» Paris, le 26 mai, 1860. Цитирую по Рязанову, назв. соч., стр. 28.

<sup>2</sup> Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie par Tardif-de-Mello, auteur des peuples Européens et de leurs divers gouvernements. Paris, chez Amgot, 1854, 4 + IV + 374, in 8°.

черкешенок и был любим одной из этих несравненных гурей». С еще большим красноречием распространился Тардиф о Пушкине, давая перевод «Кавказского пленника». «Кавказский пленник» — сам Пушкин, сам поэт со всеми его горестями и со всем отчаянием; он страдает среди чуждого ему народа, но он находит утешение, изучая его обычаи и нравы. . . Поэзия Пушкина сладостна, гармонична, увлекательна; его улыбка — улыбка осужденного христианина; его стиль — прозрачное выражение его мысли. Без поэта, без его страданий черкесские нравы нашли бы, быть может, отражение в баснях путешественников, но Пушкин поэт, живописец, историк. . . Тардиф обращается к Пушкину в разных отделах своей книги. В «поэзии романтической» он дает стихотворный перевод значительной части «Кавказского пленника», «Братьев разбойников» и «Золотого петушка»; кроме того, довольно подробное — по песням — содержание «Руслана и Людмилы». В «легкой поэзии» даны переводы «Пира Петра Великого», «19 октября 1825 года» и «Ex ungue leonem». В «повествовании» отрывок из последней главы «Истории пугачевского бунта». Переводы Тардифа тяжеловаты, неуклюжи и не всегда отличаются точностью.<sup>1</sup>

Тардиф не ограничился этими переводами: он предложил еще в отделе биографий и характеристик перевод известного письма Гоголя о Пушкине. В заключительном резюме Тардиф дал коротенький очерк о Пушкине на полстраничке: по сравнению с другими, это — большой очерк. Вот что пишет Тардиф. Не оговариваем неточностей и явных ошибок, легко исправимых русским читателем. «Александр Пушкин, коллежский секретарь, родился в 1799 г., умер в 1838 г. (так!), бесспорно первый русский поэт; своими прекрасными творениями завершил создание поэтического языка и утвердил торжество романтизма. Его поэмы веют каким-то оссиановским букетом, дышат какой-то скандинавской атмосферой, которая должна нравиться в век, изгнавший аллегорию и любящий созерцать природу обнаженную, утесистую и скалистую. Этот великий поэт начал свои занятия в Царско-сельском лицее. Его страсть к поэзии создала в нем чувство независимости. Его вольнолюбивые мысли внушили опасение императору Александру, который послал его на Кавказ. Здесь он нашел хороший прием у генерала Ермолова, главнокомандующего русскими войсками». Но тут хрестоматийная сдержанность изменяет Тардифу. Искреннее чувство ломает рамки благообразия и приличного тона. Следует лирический взрыв и обращение к тени поэта: «Бедный Пушкин! Твоя жизнь была борьбой, ты должен был погибнуть в борьбе, но твой прах и твоё имя, славный поэт, никогда не умрут! Ты не был ни куртизаном, ни льстецом; в твоей душе обитали души Овидия, Оссиана, Байрона, Ламартина и Виктора Гюго».

Последние слова книги Тардифа — снова о Пушкине. Тардиф зовет русских писателей с пути подражания на самобытный путь. Русские должны внести в литературу одушевление мысли и силу воображения. Пушкин очистил дорогу к самобытному развитию, и нужно следовать за этим орлом, погибшим так несчастьливо в середине своего пути.

Никаких упоминаний о сношениях Тардифа с Пушкиным, никаких намеков и указаний на получение от Пушкина каких-либо материалов в книге Тардифа нет.

О книге Тардифа мне известен один отзыв, появившийся в 1855 году в критико-библиографическом журнале «L'Athenaeum Français» (№ 8 от 24 февраля). Автор этого отзыва — русский эмигрант Н. И. Сазонов. Он был одним из редакторов этого журнала и поместил здесь ряд статей и отзывов под своим именем и под псевдонимом Карла Штотля на исторические и литературные темы. Статьи показывают в нем писателя, широко образо-

<sup>1</sup> В. Шульц в своей работе «А. С. Пушкин в переводе французских писателей», СПб. 1880, стр. 9, 38, 47, 94, невысокого мнения о переводах Тардифа.

ванного и весьма осведомленного в вопросах историко-литературных.<sup>1</sup> В довольно пространном отзыве о книге Тардифа Сазонов много говорит о необходимости для французов знать Россию и ее интеллектуальную жизнь и указывает на особенный интерес изучения России именно для французов. Сазонов находит, что книга Тардифа заполняет пробел и заслуживает самого широкого распространения. «В настоящее время, — пишет Сазонов, — на французском языке существуют только две серьезные книги о России — Кюстина и Гакстаузена.<sup>2</sup> Кюстин видел немного, но то, что он видел, видел хорошо. Гакстаузен много наблюдал и не всегда хорошо видел. Кюстин видел и описал двор с его окружением; Гакстаузен производил наблюдения только над крестьянами. Между этими авторами остается пустое место. Франции нужно было объяснить интеллектуальную Россию, которой без сомнения мало при дворе и немного в деревне. Избежав некоторых ошибок, Тардиф смог бы заполнить этот пробел, и мы надеемся, что он сделает это при втором издании книги. История русской литературы, изложенная Тардифом в конце книги, в общем довольно точно, но слишком стара и вследствие этого неполна. Два великих современных писателя, Гоголь и Грибоедов, даже не упомянуты. Отрывки, выбранные и переведенные Тардифом, не всегда удачно выбраны, а переводу иногда не достает точности... Тем не менее мы расцениваем книгу Тардифа, как добросовестный труд, который может и должен принести большую пользу всем, желающим узнать Россию не по «военной литературе» и карикатурам Хама и Домье».

В этой заметке Сазонов упоминает о Пушкине; «Державин, Жуковский и Пушкин — три великих поэта, и ученая Германия, начинающая изучать их в хороших переводах, дает им высокую оценку». К Пушкину Сазонов возвращался неоднократно. Давая отчет о книге Дуэра «Русский Декамерон», Сазонов к любопытным и дельным рассуждениям о русских прозаиках присоединил не совсем кстати и перевод в прозе пушкинского стихотворения «Три ключа».<sup>3</sup> В статье «Народные сказки, русские и немецкие» Сазонов дал перевод в прозе пушкинской сказки о рыбаке и рыбке и для сопоставления дает конец немецкой сказки, записанной братьями Гриммами.<sup>4</sup> В немецкой сказке имеется эпизод о «римской папе», который отсутствует у Пушкина в печатном тексте, но сохранился в черновике. Этот черновой набросок открыт совсем недавно.<sup>5</sup> На пушкиноведческие опыты Сазонова не ограничиваются переводами. Он дал кое-что любопытное и в области биографической.

В 1854 году в Париже появилась книжка «La vérité sur l'empereur Nicolas.—Histoire intime de sa vie et de son regne—Par un Russe» — «Правда об императоре Николае. Интимная история его жизни и его царствования. Составлена русским». Е. В. Тарле, обследовавший в свое время литературу о России на французском языке за время Николая I и особенно в период Крымской кампании, обратил внимание на эту анонимную книжку и отметил страстный характер нападок на Николая.<sup>6</sup> Действительно, анонимный автор разрушает стереотипную иконо-

<sup>1</sup> Под псевдонимом К. Штоля Н. И. Сазонов помещал литературные обзоры в «Отечественных записках» и в «С.-Петербургских ведомостях» у А. А. Краевского.

<sup>2</sup> Книга маркиза Кюстина «La Russie 1839» вышла в 1843 году. Его сообщение о Пушкине разобрано В. Шульцем в названном соч., стр. 101—104. Книга Гакстаузена «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» вышла в 1847 г. (тома I и II) и 1852 г. (т. III).

<sup>3</sup> L'Athenaeum Français 1855, № 26.

<sup>4</sup> Там же, № 32.

<sup>5</sup> Неизданные стихи Пушкина «О римской папе» — мое сообщение в «Красной ниве», 1930, № 10.

<sup>6</sup> Е. В. Тарле. «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение» в журнале «Былое», 1906, кн. 10, стр. 155-156.



писную характеристику Николая I; в этом рыцаре монархии основными чертами характера он выставляет лицемерие, жестокость и деспотизм и на ряду подчеркивает совершенно правильно, на мой взгляд, малодушие и трусость, проявленные им особенно в день 14 декабря 1825 г. Тарле не знал, какой «русский» был автором этой острой книжки, но в недавнее время Рязанов раскрыл аноним на основании сообщения Христиана Островского. В «Славянских письмах» Островский напечатал письмо Сазонова по польскому вопросу, под заголовком «Ближайшее будущее России». <sup>1</sup> Сазонов выступил резко против русского самодержавия и против отождествления русского народа и русского правительства. Общая борьба с самодержавием объединяла народ русский и польский. «Гнев и мщение — воскалицает Сазонов — вероломному, антинациональному и столь же антигуманному правительству, которое, ища подчинить Европу, попирает Россию». Печатая это письмо, Островский сделал примечание, в котором и указал, что Сазонов выполнил завет борьбы с царизмом, выпустив замечательный труд «Правда о Николае». Так утверждается авторство Сазонова. Книжка имеет особый интерес для пушкинистов. Им не мешало бы познакомиться с характеристикой Николая, данной Сазоновым, и иметь ее в виду при рассуждениях об отношении царя и поэта. Но кроме того, в книжке есть специальная глава «Николай и поэт», дающая краткий очерк этих отношений и освещающая роковую роль Николая в жизни Пушкина. Сазонов дает правильную оценку «благоволению» царя, наложившего на поэта камер-юнкерские узы и лицемерно одарившего семью убитого. Любопытен и неизвестен в пушкинской биографической литературе рассказ о домогательствах Пушкина получить доступ к секретным историческим материалам: «Пушкин не посмел обратиться прямо к царю и попросил разрешения через одного из министров. Николай сразу ответил решительным отказом: «На что ему эти бумаги? Они лежат в архиве нетронутыми с того времени, когда моя бабка приказала положить их туда, собственноручно их запечатать. Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не пожелает ли он извлечь отсюда скандальный материал в параллель песне «Дон-Жуана», в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Ну, нет!» Министр точно передал слова поэту и поэт, уже освоившийся с деспотическим характером императора, выразил удивление только его эрудиции. «Я не думал, что он прочел «Дон-Жуана» Байрона» — сказал Пушкин.

Но вернемся к Тардифу-де-Мелло. В период Крымской войны Франция была наводнена шовинистической литературой, направленной против неприятеля. Патриотический «подъем» не миновал, как это ни странно, и «полуповрежденного» Тардифа. «В дни, когда началась великая игра битв, он пришел к убеждению, что чувство патриотизма и крепкий национальный дух требуют от него сказать все, что он знает о военных силах Московского государства». И на сем основании он решил поделиться всеми сведениями, собранными им за долголетнее пребывание в России, и написать солидную «Историю русских войск со времен Владимира до Николая I». Этот труд был помечен в объявлениях, как находящийся в печати, но в свет не вышел, а вернее, и не был написан, что и понятно, если вспомнить, как долго он писал историю русской литературы со времен Владимира до Николая I. Крымская война кончилась раньше, чем закончил свой труд Тардиф. Но сливки с своего патриотического замысла Тардиф успел снять: в 1854 г в Париже появилась его брошюра «Русская армия». <sup>2</sup> Здесь он выложил все свои — не бог весть какие — знания о составе русской армии, об ее управле-

<sup>1</sup> Christian Ostrowski *Lettres slaves* (1833 — 1857). Orient. — Pologne — Russie. *Zième éd Paris, 1857*, p 219—221

<sup>2</sup> *L'Armée russe*. Par Tardif de-Mello, auteur de l'*Histoire intellectuelle de l'empire de Russie, des peuples européens etc.* Paris, chez les principaux libraeries, 1854, p. 63.

Все сообщения о Тардифе, приведенные мной выше без указания источника, взяты из этой книги.

нии, ее численности, расположении частей войск и т. д. Нам конечно нет никакого дела до милитаристических разоблачений Тардифа-де-Мелло, но книжка его приобретает для нас неожиданный и совершенно исключительный интерес вот почему. В доказательство правдивости рассказов Тардифа о военной силе России Тардиф ничего не придумал иного, как привести подлинные письма лиц, которые оказывали ему, Тардифу, доверие. Ни лица, ни письма не имеют решительно никакого касательства к военным делам русского правительства и к военным исследованиям Тардифа. Письма, опубликованные Тардифом, написаны: два — известным нам Дегуровым, одно — Гречем и одно — Пушкиным.

Это напечатанное семьдесят пять лет тому назад письмо Пушкина — смею сказать — никому из исследователей неизвестно и понятно не поминается ни в каких библиографических перечнях и опытах. Только теперь можно пополнить им собрание писем поэта.

Письмо маленькое; даты Тардиф не сообщает. Судя по тому, что при письмах Дегурова и Греча он указывает даты, надо скорее думать, что и Пушкин не датировал своего письма.

*Vous m'avez fait trouver mes vers bien beaux Monsieur. Vous les avez revêtres de ce noble vêtement, sous lequel la poésie est vraiment déesse, vera incessu patuit dea. Je vous remercie de votre précieux envoi.*

*Vous êtes poète et vous ensezignez la jeunesse; j'appelle deux benediction sur vous*

*A. Pouschkine.*

#### Перевод:

Вы заставили меня, сударь, найти красоту в моих стихах. Вы их облекли в благородную одежду, в которой поэзия становится истине богиней, vera incessu patuit dea. Благодарю Вас за Вашу ценную посылку.

Вы поэт, и вместе с тем обучаете юношество; призываю двойное благословение на Вашу голову.

*A. Пушкин.*

К слову «*envoi*» Тардиф сделал примечание, из которого видно, что речь идет о переводе «Кавказского Пленника», посланного им Пушкину. Печатаемая часть перевода в своей книге, Тардиф выразил свое скромное мнение о своей работе: «я пытался насколько возможно вернее передать красоты, которыми блещет поэма, но и самый строгий переводчик, без сомнения, не обретет ни стремительности, ни изящности, ни искрящегося разнообразия — главных особенностей пушкинского стиля».

Письмо Пушкина, конечно, образец благодушной иронии.

*П. Щеголев.*

6 июня 1930 г.

#### ОТ РЕДАКЦИИ.

I. Еще раз доводим до сведения авторов, что рукописи не принятые к печати из редакции не возвращаются.

II. Рецензия на книгу «Молодая поэзия» напечатанная в № 6 журнала, ошибочно подписана «Р. Тессер». Автором рецензии является Е. Мустангова.

---

Редакционная коллегия: Д. Белицкий, Ф. Горохов, Ю. Либединский, П. Чагин, В. Саянов, А. Стецкий и Н. Тихонов.

---

# З В Е З Д А

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

№ 7



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД